

ВОЙНА ГОТОВ С АНТАМИ: СВЕДЕНИЯ ИОРДАНА И ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ

И. В. Зиньковская, В. В. Крайнев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 марта 2024 г.

Аннотация: в «Гетике» Иордана содержится самое раннее свидетельство о выходе на арену истории антов – одной из этнополитических группировок ранних славян. Эпоху столкновения остроготовов Венетария с антами Боза в археологическом плане отражает возникшая на рубеже IV–V вв. череполосица памятников черняховской и киевской культур в Поднепровье.

Ключевые слова: анты, готы, гунны, пеньковская культура, киевская культура, черняховская культура, Остроготское королевство.

Abstract: the «Getica» by Jordanes contains the earliest evidence of the emergence of the Antes – one of the ethno-political groups of early Slavs. The era of confrontation between the Ostrogoths of Venetaria and the Antes of Boza is reflected in the archaeological record by the emergence, at the turn of the 4th and 5th centuries, of a complex of monuments belonging to the Chernyakhov and Kiev cultures in the Dnieper region.

Key words: Antes, Goths, Huns, Penkovka culture, Kiev culture, Chernyakhov culture, Ostrogothic Kingdom.

По рассказу «Гетики» Иордана [1] остроготы после разгрома их «державы» гуннами подчинились власти последних и оставались в той же стране, т. е. на юге Восточной Европы. При этом наследник великого остроготского короля, его внучатый племянник Амал Венетарий (внук брата Эрманариха Вультульфа) «удержал все знаки своего господствования». Далее Иордан подробно описывает войну Венетария с антами Боза/Божа (лат. Boz): «Подражая доблести деда своего Вультульфа, он, хотя и был ниже Германиариха по счастью и удачам, с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь от их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распыл короля их Божа с сыновьями его и семьюдесятью старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удваивали страх покоренных» (Get., 246).

Следует напомнить, что готский историк обращается к этому повествованию попутно, излагая генеалогию королевского рода Амалов после гибели Эрманариха в «Origo Gothica» (Get., 245). Латинский текст иорданова свидетельства сохранился полностью и особых трудностей для понимания у исследователей не вызывает. Но вот его интерпретация, начиная с имен главных действующих лиц и кончая оценкой этого события в истории Восточной Европы, до сих пор остается предметом острых дискуссий [2, с. 182–183].

У исследователей не вызывает сомнения источник сведений Кассиодора/Иордана об этом событии – таковым могла быть героическая песнь, воспевающая подвиги и гибель остроготского вождя Венетария. А. Н. Анфертьев считал форму *Venethi* в § 119 «Гетики» искусственной, и на этом основании допускал, что весь рассказ Иордана о войне Винитария с антами либо является фикцией, сочиненной Кассиодором, либо существенно переработан в сравнении с исконной готской редакцией [3, с. 146–147, 153]. С таким гиперкритическим подходом к источнику нам трудно согласиться, поскольку претензии современного филолога к Кассиодору/Иордану во многом носят характер умозрительных построений, не подкрепленных известными прецедентами.

В имени Венетарий большинство современных исследователей видят скорее почетное готское прозвище, чем собственно личное имя. По свидетельству Аммиана, преемника Эрманариха звали Витимир (XXXI.3.3). Прозвище «Венетарий» (Venetharius) – букв. «Давитель венетов» он мог получить уже после победы и расправы над антами, происходившими по Иордану от «венетского» корня [4, с. 359–360; 5, с. 283]. Л. Шмидт считал, что прозвище Венетарий (Venetharius) в эпосе получил сам король Эрманарих, воевавший против венетов, и что из этого прозвища в эпосе потом появилась новая личность [6, S. 252–257]. Имя антского «фрикса» *Voz* читается и этимологизируется исследователями по-разному, при транскрипции «Бож» иногда интерпретируется как титул «Вож», т. е. «вождь» [7, с. 328]. В определенной степени имя *Voz* напоминает нам и прозвище племянника аланского вождя Кандака – База (лат. Baza),

у которого нотарием был Иордан (Get., 246). Поэтому не исключена и аланская (иранская) атрибуция имени *Boz*.

Интересующее нас событие произошло на юге Восточной Европы вскоре за разгромом гуннами «державы» Эрманариха и смертью ее престарелого правителя. Но, по рассказу Иордана, победа Венетария над антами и его жестокая расправа с антской знатью вызвали почти немедленную реакцию могущественного короля гуннов Баламбера, которого никак не устраивало возвышение его готского вассала. По рассказу Иордана «с такой свободой он повелевал едва в течение одного года». Далее наступила расплата. Баламбер приказал другому готскому вождю Гезимунду (внуку Эрманариха), признавшему власть гуннов, наказать непокорного Венетария. После двух ожесточенных битв в третьем сражении на р. Эрак Венетарий был убит стрелой, выпущенной из лука самим Баламбером (Get., 248–250). После этого гуннское владычество «над всем покоренным племенем готов» было восстановлено.

Прежде всего, нужно установить степень достоверности этого уникального свидетельства Иордана. Это необходимо потому, что в нем иногда видят плод воображения готского историка (или его предшественников – Аблабия или Кассиодора). Так, Л. Шмидт в свое время доказывал легендарный характер личности Венетария. Его появление на страницах «Гетики» он объяснял выдумкой Кассиодора. В основе рассказа о смерти Венетария, по его мнению, лежит другой исторический факт – смерть вестготского короля Теодориха. Как историческая личность ему казался сомнительным и гуннский вождь Баламбер (*Balamber*), чье имя идентично германскому *Walamer* [6, S. 253–255]. Также чистой легендой он считал подробно описанный Иорданом эпизод о борьбе остроготов Венетария с антами Боза/Божа.

Однако, как представляется, некоторые подробности, сообщаемые Иорданом в этом эпизоде, в том числе малоприятное для готов свидетельство о поражении Венетария в первом сражении с антами, скорее склоняют к мысли об отражении в рассказе Иордана, пусть и в легендарно-эпической форме, какого-то реального исторического события из истории взаимоотношений этих двух народов в начале гуннской эпохи. Несмотря на, казалось бы, полную ясность описания хода и результатов гото-антской войны в «Гетике» Иордана, у современных исследователей возникает ряд вопросов. Прежде всего, это хронология войны, направление похода и район военных действий, но особенно проблема этнической принадлежности антов Боза/Божа. Совершенно очевидно, что выступление Венетария против антов произошло вскоре после вторжения гуннов в Восточную Европу и разгрома Остроготской державы

Эрманариха. Обычно его датируют в хронологическом диапазоне 369–376 гг. [Ibid., S. 253].

Недавно М. Б. Щукин еще раз исследовал этот вопрос и пришел к заключению, что, скорее всего, гунны могли разбить и покорить оставшихся в живых остроготов ранее 375 г. Но указать более точную дату в силу скудности свидетельств письменных источников невозможно – это событие могло произойти в любое время, начиная с 370 г. (во время переговоров везиготского судьи Атанариха с римским императором Валентом в 369 г. о гуннской опасности не было сказано еще ни слова) по 376 г., когда отступающие в страхе везиготы перешли р. Дунай и укрылись под защитой римского лимеса [5, с. 233–236]. По подсчетам того же ученого война готов с антами случилась вскоре после разгрома державы Эрманариха, но ранее осени 376 г., когда гуннская орда сражалась уже в левобережье Дуная. По мнению М. Б. Щукина, к этому времени Венетарий уже погиб. Х. Вольфрам также датирует его гибель 376 г. [4, с. 361].

Другие исследователи называли и более ранние (в год смерти Эрманариха около 375 г. – Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков), и более поздние даты похода Венетария на антов Боза/Божа. Например, М. М. Казанский отодвигает это событие к 370–380 гг. [8]. Но еще раньше Е. Ч. Скржинская привела ряд соображений в пользу того, что война Венетария с антами, скорее всего, была ближе к концу IV в. и даже в начале V в., так как Венетарий мог и не быть прямым преемником Эрманариха (в генеалогии Амалов между ними стоит король Валараванс) [7, с. 325]. Такая дата не менее вероятна, так как у Иордана не сказано, когда произошел карательный поход Венетария против Боза/Божа и его народа. Ясно только, что это случилось не сразу после трагической гибели Эрманариха и его «державы», а спустя какое-то время. Иордан пишет: «Понемногу освобождаясь от их власти и пробуя свою силу, он двинул войско в пределы антов» (Get., 246).

При решении вопроса о хронологии интересующего нас события не следует забывать и специфику источников, которые использовал готский историк для описания гото-антской войны. Это королевские генеалогии и героические саги о подвигах королей из славного рода Амалов, в том числе и Венетария [6, S. 253–255]. Как правило, в целом, они верно передают последовательность главных исторических событий. Однако эпическому сознанию в высшей степени было свойственно сжимать историческое время. Легендарно-эпическая традиция, как уже говорилось, весьма избирательно «впитывала» исторический материал, но главное – преобразовывала его по непредсказуемым законам устного народного творчества, что, кстати, проявилось и в сочинении Иордана. Поэтому ждать от этого источника надеж-

ных данных для точной датировки интересующего нас события не приходится. Ограничимся его датировкой ближе к концу IV в.

Еще более сложен вопрос о направлении похода Винитария и местоположении «пределов антов» («*Antorum fines*»). В свое время А. Т. Смиленко предположила, что антский вождь Боз/Бож и его 70 старейшин могли проживать на известном укрепленном поселении у с. Башмачка на Нижнем Днестре [9, с. 48–66; 10, с. 20]. Но это городище сейчас относится к числу черняховских, на нем не обнаружено каких-либо особых материалов, указывающих на антское (славянское) присутствие. Г. В. Вернадский поместил антов Божа в Побужье, видимо, исходя из свидетельства проживания там антов в *Get.*, 35. [11]. Но последнее, судя по наречию *nunc* – «ныне», определенно относится ко времени жизни Иордана, т. е. к середине VI в. Исходя из этого более позднего свидетельства Б. А. Рыбаков также локализовал антов в степном междуречье Днестра и Днестра [12, с. 31]. Однако, как уже отмечала Е. Ч. Скржинская, прямо сближать «пределы антов» (*Get.*, 247), где речь идет о походе Венетария, с более точным указанием на места расселения современным Иордану антов «от Данастра до Данапра» (*Get.*, 35) нельзя, так как за полтора века они могли сильно измениться, особенно если учесть характер и темпы этнических миграций в бурную эпоху Великого переселения народов [7; 13].

Определенным ориентиром для локализации «пределов антов» могла бы стать р. Эрак (*Erag*), где, согласно свидетельству Иордана, произошло решающее сражение Венетария с гуннами. В ней чаще всего видят р. Днепр на том основании, что средневековое название этой реки *Var*, *Borouh* близко осетинскому *oŋæx/væraχ* с тем же значением «широкий», но особенно *Erehe* на итальянских картах XIV–XV в. [14, с. 65]. Но и такая идентификация не бесспорна, хотя сам Иордан, помимо устоявшегося гидронима *Danapris* указывает один раз его гуннское название *Var* (*Var*) [7]. Но дело даже не в этом. Само по себе последнее местонахождение победителя антов на берегу р. Эрак, где он встретил смерть, вовсе не означает, что Венетарий после расправы с Божем все время оставался там же до того злополучного дня, когда был смертельно ранен стрелой Баламбера, тем более что этому предшествовали еще две битвы с гуннами.

М. М. Казанский на основании археологических данных попытался локализовать Остроготские королевства эпохи гуннского владычества в Восточной Европе [8]. Он предложил искать их на территории Среднего Поднепровья и Днепровского лесостепного Левобережья, где известны находки особо престижных вещей и отдельные богатые погребения рубежа IV–V вв. Более того, исследователь точно указал даже

местоположение гипотетического центра «королевства Винитария» – где-то между верхним течением р. Воркслы и р. Псла, откуда происходит большая часть «княжеских» комплексов, в том числе знаменитые Старосуджанские клады [там же, с. 184]. С таким расположением в Днепровском Левобережье Остроготского королевства с определенными оговорками согласился А. М. Обломский [15, с. 92–93]. Возможную локализацию именно здесь одного из поздних остроготских анклавов подтвердили и новые находки в Курском Посемье, где обнаружено захоронение высшего ранга с богатейшим набором вещей раннегуннского времени ступени D2, сопоставимое с самыми роскошными боспорскими погребениями [16; 17].

Ф. Бирбрауэр решительно отрицает связь немногочисленных восточногерманских археологических материалов ступени D2 с готами Валамира или Венетария. По его мнению, они оставлены «рассеянными готами», которые подверглись аккультурации аланами и сарматами [18, S. 114–121]. Близких взглядов придерживается и Б. В. Магомедов, который указывает, что в Восточно-Украинском регионе в гуннское время неизбежно должны были смениться этнополитические приоритеты, иллюстрацией чего служат курганные захоронения кочевников в Кантемировке, катакомба из Дмухайловки и находки «княжеского» ранга, принадлежащие аланам [10, с. 144–147]. С этим трудно не согласиться, так как этническая ситуация меняется и на крайнем северо-востоке рассматриваемого нами региона. На Верхнем Дону в гуннское время появляются могильники и одиночные погребения номадов сармато-аланского круга [19].

В целом археологическую ситуацию начала гуннской эпохи в Днепровском лесостепном Левобережье можно охарактеризовать как пограничье немногочисленных позднечерняховских памятников ступени D1 и поздней киевской культуры (рис. 1), носители которой в это время могли быть известны как анты [3, с. 127–132, 146–147, 153–154].

На наш взгляд, текст Иордана, вопреки мнению А. Н. Анфетьева, все же не позволяет считать венетов (§ 34–35, 119) и антов (§ 247) совершенно разными народами, искусственно «породненными» Кассиодором/Иорданом в результате контаминации разновременных источников. Для Иордана они «*ab una stirpe*» – «от одного корня» (*Get.*, 119). Не следует сбрасывать со счетов совершенно независимые от литературной традиции данные современной археологии, объективно свидетельствующие о генетической преемственности носителей, с одной стороны, постзарубинецкой и киевской (венеты Плиния, Тацита, Птолемея), а с другой – поздней киевской и пеньковской культур (анты Иордана, Прокопия Кесарийского и других византийских авторов).

Рис. 1. Археологическая ситуация в Восточной Европе в позднеримское время:

I – верхнеднепровские памятники типа Каширки-Седелок; II – мощинская культура;
III – рязано-окские могильники; IV – памятники селиксенского типа; V – памятники типа Лбище;
VI – могильники алан-танаитов

Судя по тому, что в первом сражении анты сумели разбить дружину Венетария, они уже тогда были довольно многочисленны и сильны, а значит, занимали немалую территорию. На это косвенно указывает, помимо наличия у них своего «рикса» Боза/Божа (Иордан именует его титулом гех), большого числа (70) «приматов» – старейшин, скорее свидетельствующих о существовании не какого-то небольшого племени, а значительного потестарного объединения, владевшего немалой территорией.

М. М. Казанский, недавно еще раз специально изучивший историю столкновения готов с антами, допускал даже наличие в их обществе «сложного вожества», в котором верховному вождю Бозу/Божу подчинялись вожди-старейшины отдельных родоплеменных подразделений [20, р. 12–13]. Другие исследователи видят в этом раннем антском союзе раннегосударственное образование [21; 22], что нам представляется недостаточно обоснованным источниками. Сейчас трудно представить, каков был характер антского общества конца IV в., но специалисты полагают, что зародилось оно несколько раньше интересующего нас события, возможно, из-за военно-политического противостояния королевству Эрманариха [23, с. 20–25].

Какая этнографическая реальность стоит за этнонимом «анты» в интересующем нас рассказе Иордана, из самого текста «Гетики» в общем ясно. Идею об иранской принадлежности «ранних» антов конца IV в. развивал Г. В. Вернадский в своем известном труде «Ancient Russia» (1943). По существу она базировалась на созвучии этнонимов «ант» и «асс», т. е. «алан». В результате в его обобщающем труде анты превратились в алан. Правда, в более поздней специальной статье Г. В. Вернадский уже не настаивал на иранстве антов, ограничившись лишь доказательством весьма правдоподобной иранской этимологией этнонима «анты» – «крайние», «внешние» [11].

Вопреки мнению отдельных исследователей об иранской [24, S. 464–466], адыгской [25, с. 41–44], угорской [26] и иной принадлежности [4, с. 360; 27] антов, у самого Иордана мы не найдем и намека на то, что они хоть в чем-то отличались от его современников – антов середины VI в., о которых он писал в Get. 34, 35, 119. Как известно, по представлениям готского историка, последние происходили от общего «венетского» корня со склавинами, т. е. были одним из этнополитических объединений ранних славян. В антах VI в. современные исследователи видят преимущественно славянское население, частично сме-

шавшееся с ираноязычными номадами, прежде всего с аланами. Возможно, речь даже может идти о временном праславяно-иранском симбиозе [28, с. 202]. Эта точка зрения господствует в современной науке, хотя в последнее время известны попытки ее оспорить [3, с. 159]. Еще раз подчеркнем, что у Иордана подобные сомнения об этногенетической преемственности венетов и антов отсутствовали.

Подробнее остановимся на археологическом аспекте проблемы, отражением которой вполне могли быть сложные процессы взаимодействия позднейшей черняховской и киевской культур (см. рис. 1). Существенная, если не определяющая, роль восточногерманского этнокультурного фактора в формировании черняховской культуры всесторонне рассмотрена выше. По мнению Р. В. Терпиловского, возникшая на рубеже IV–V вв. новая чересполосица черняховской и киевской культур в Поднепровье (см. рис. 1) как раз отражает эпоху столкновения Венетария с антами Боза/Божа [29, с. 307].

Однако именно такие последствия его расправы с верхушкой антского общества представляются нам маловероятными, ведь сами готы, наиболее вероятные носители позднечерняховских традиций, вскоре были разбиты. Тем более что у Иордана нет сведений о расселении готов Венетария на вновь завоеванной антской территории. Сейчас весьма надежно установлено, что остатки черняховского населения покидают Днепровское Левобережье не в конце IV в., а несколько позже, вероятнее всего, в первой четверти V в. [15, с. 90]. Представляется, что перемены, вызванные только что рассмотренными инцидентами, не могли не найти отражения в эволюции киевской культуры. Не из-за этнополитических ли последствий столкновения готов Венетария с гуннами Баламбера происходят радикальные перемены в позднейшей киевской культуре – отток значительной части населения на север, утрата черняховских элементов в его культуре, трансформация ее южного ареала в раннесредневековую пеньковскую культуру и др.? Ее носителями уже бесспорно были родственные склавином анты, говорящие на одном с ними языке. Большинство современных исследователей склоняются в пользу славянской принадлежности пеньковской культуры V–VII вв. [5, с. 230; 15, с. 92; 30–32].

По описанию современников – того же Иордана и особенно Прокопия Кесарийского – анты происходили от одного «венетского» корня, что и склавины, пользовались одним с ними языком, у них были одинаковые обычаи и верования. Но анты все-таки чем-то сильно выделялись даже внешне, во всяком случае, византийцы могли сразу отличить анта от склавина даже среди наемников Империи. По мнению М. А. Васильева, анты составляли особую славяно-

язычную метаэтническую общность, родственную склавином. Но они не были частью последних, а создали отдельный военно-политический союз [33].

Весьма сложный процесс возникновения пеньковской культуры современным исследователям представляется прежде всего как эволюция памятников позднего этапа среднеднепровского варианта киевской культуры и поселений так называемой «киевской традиции в черняхове» [15, с. 78, 91, 210]. При этом отмечается известное огрубление, упрощение пеньковской культуры даже по сравнению с киевской. Некоторое запаздывание указанных культурных сдвигов относительно даты интересующей нас войны (рубеж IV–V вв.) не должно особо удивлять. Отражение исторических событий в массовых археологических материалах, как правило, несколько отстает от времени их свершения. Но не исключено и другое. В рассказе Иордана, в основу которого, скорее всего, был положен фрагмент из готского героического сказания, локальному столкновению остготов с антами был придан слишком большой вес. Ведь именно расправа с Божем и его «приматами» послужила поводом гуннскому царю Баламберу начать войну с готами Венетария и в свою очередь наказать его.

К сожалению, далее о судьбе антов Иордан ничего не говорит. Молчат и другие источники V в. Вероятно, трагическая гибель антской элиты на время затормозила процессы социального развития и политической консолидации этого племенного союза. Скорее всего, анты вошли в разнородную конфедерацию племен и народов, созданную на рубеже IV–V вв. новыми владыками причерноморских степей – гуннами. Во всяком случае, в первой половине VI в. анты чуть ли не ежегодно совершали набеги на византийские владения за Дунаем в коалиции с гуннами и склавином. Причем почти всегда они перечисляются Прокопием и другими византийскими авторами в устойчивой формуле, где выдержана строго определенная последовательность этнонимов – «гунны, склавины и анты». Поэтому не лишено основания мнение о вхождении антов в гуннский союз племен и даже о славяно-гуннском симбиозе накануне начала процесса славянизации Балкан [34, с. 209].

На наш взгляд, историческая ценность разобранных выше рассказа Иордана заключается, прежде всего, в том, что в нем содержится древнейшее бесспорное упоминание антов в письменной исторической традиции. В контексте последующих событий, в отличие от временных победителей – остготов, этот древнейший славянский народ не только сумел сохранить свой этнос, но и удержаться в пределах родной земли. По существу в рассказе Иордана о «подвигах» Венетария содержится самое раннее

свидетельство о выходе на арену истории антов – одной из этнополитических группировок ранних славян.

Хорошо известно, что для территории юга Восточной Европы середина I тыс. была эпохой великих потрясений и этносоциальных сдвигов. Сейчас становится все более очевидным, что славянский этнос рождался из хаоса эпохи Великого переселения народов и крушения Древнего мира. Нам представля-

ется, что этому во многом способствовала та уникальная этнополитическая ситуация, которая сложилась в степи и лесостепи Восточной Европы в результате вторжения гуннов и разгрома «державы» Эрманариха (рис. 2). Путь славян в историю был открыт – через два-три поколения начался уже балканский этап славянской истории, в котором анты принимали самое активное участие.

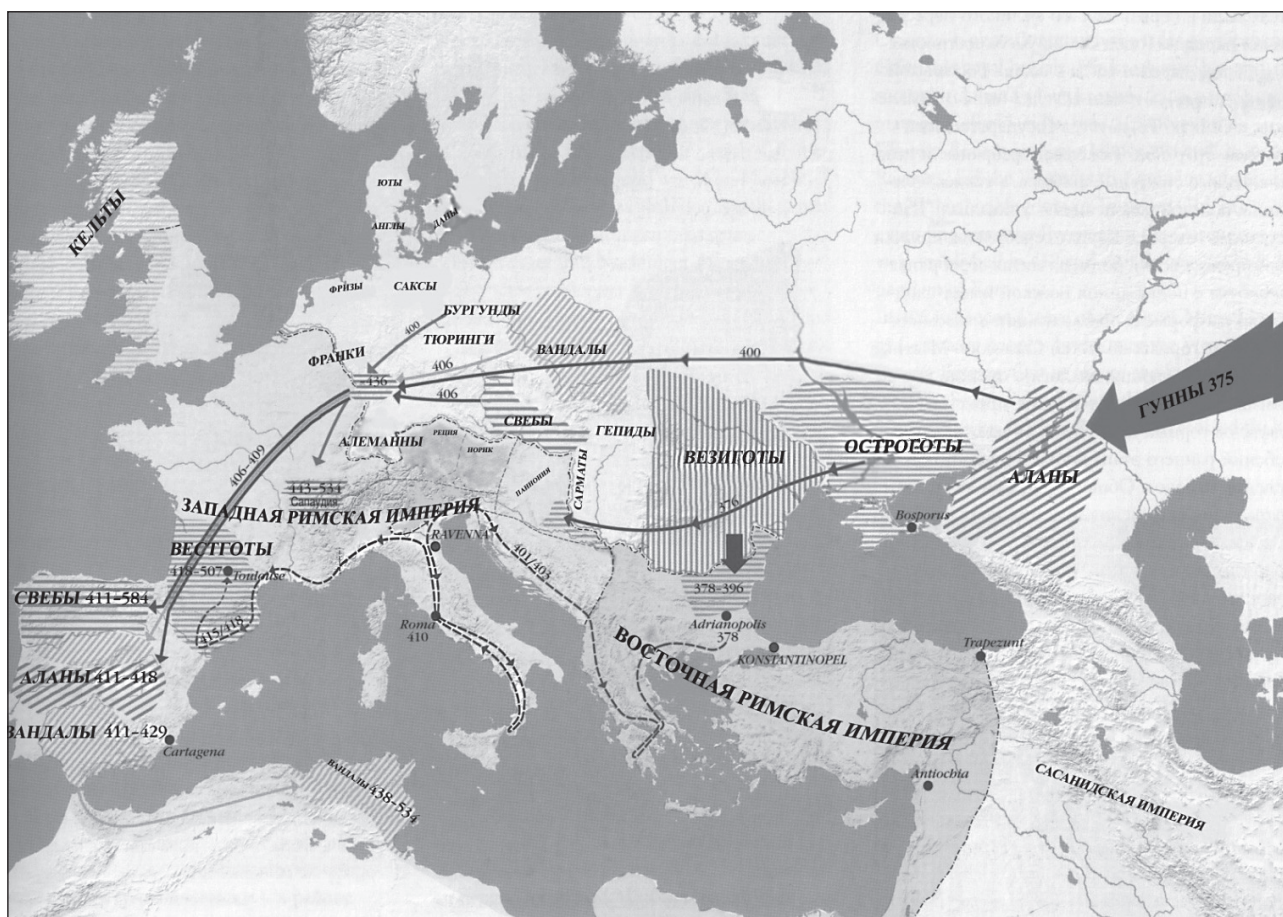

Рис. 2. Остроготское королевство и Великое переселение народов на рубеже IV–V вв. (по: [35])

ЛИТЕРАТУРА

1. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica)/Иордан; вступ. ст., пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. – СПб., 2000. – 512 с.
2. Петрухин В. Я. Традиция и исторический факт в средневековой историографии: мотивы и числа / В. Я. Петрухин // Древнейшие государства Восточной Европы: мат-лы и исследования 2003 г. – М., 2005. – С. 181–191.
3. Анфертьев А. Н. Иордан / А. Н. Анфертьев // Свод древнейших письменных известий о славянах (I–IV вв.): в 2 т. / под ред. Л. А. Гиндина, Г. Г. Литаврина. – М., 1994. – Т. 1. – С. 98–161.
4. Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Х. Вольфрам. – СПб., 2003. – 656 с.
5. Щукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура) / М. Б. Щукин. – СПб., 2005. – 576 с.
6. Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung / L. Schmidt. – Bd. 1. Ostgermanen. – München, 1969. – 670 S.
7. Скржинская Е. Ч. Иордан и его «Getica» / Е. Ч. Скржинская // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). – СПб., 2000. – С. 9–58.
8. Казанский М. М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные / М. М. Казанский // Stratum plus ПАВ. – 1997. – С. 181–193.
9. Смиленко А. Т. Городище черняховской культуры / А. Т. Смиленко, В. А. Мизин // Славяне и Русь. – Киев, 1979. – С. 48–66.

10. Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса (Monumenta Studia Gothica. Т. 1) / Б. В. Магомедов. – Lublin, 2001. – 290 с.
11. Vernadsky G. Note of the name Antes / G. Vernadsky // Journall of American Oriental society. – 1953. – № 73. – Р. 11–22.
12. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987. – 782 с.
13. Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов / В. П. Буданова. – М., 2000. – 544 с.
14. Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья / Г. Шрамм. – М., 1997. – 200 с.
15. Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (сер. III – перв. пол. V в. н. э.) / А. М. Обломский. – М., 2002. – 255 с.
16. Радюш О. А. Волниковский «клад» и Курское Посеймье в эпоху Великого переселения народов / О. А. Радюш, О. А. Щеглова. – Курск, 2012. – 48 с.
17. Стародубцев Г. Ю. Волниковский «клад». Комплекс снаряжения коня и всадника 1-й половины V в. Каталог коллекции / Г. Ю. Стародубцев, А. В. Зорин, А. Г. Шпилев. – М., 2014. – 200 с.
18. Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.–7. Jh. Versuch einer Bilanz / V. Bierbrauer // Frühmittelalterliche Studien. – В. ; N.-Y., 1994. – Bd. 28. – S. 51–171.
19. Зиньковская И. В. Поселение и могильник раннегуннского времени на Животинном городище / И. В. Зиньковская // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи. – Воронеж, 2008. – С. 32–51.
20. Kazanski M. Les relations entre les Slaves et les Goths du IIIe au Ve siècle : l'apport de l'archéologie / M. Kazanski // Revue des études slaves. – Т. LXV/1. – Р., 1993. – Р. 12–40.
21. Брайчевский М. Ю. Анти / М. Ю. Брайчевский // Вибрані твори. – Киев, 1999. – С. 391–436.
22. Кравченко Н. М. Анти – на зламі віків. Ранньоантський період у світлі історико-археологічних аналогій / Н. М. Кравченко // Вісник Київського інституту «Слов'янський Університет». – 2001. – Вип. 11. – С. 206–224.
23. Седов В. В. От истоков Вистулы / В. В. Седов // Родина. Славянский мир. – 2001. – № 1/2. – С. 20–25.
24. Olrik A. Ragnarök. Die Sagen vom Weltuntergang / A. Olrik. – В. ; Leipzig, 1922. – 180 S.
25. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Ш. Б. Ногмов. – Пятигорск, 1947. – 200 с.
26. Федорова М. В. Славяне, мордва и анты (к вопросу о языковых связях) / М. В. Федорова. – Воронеж, 1976. – 87 с.
27. Struminns'kyj B. Were the Antes Eastern Slavs? / B. Struminns'kyj // Harvard ukrainian studies. – 1979–1980. – Vol. III/IV, Pt. 2. – Р. 12–22.
28. Медведев А. П. О начальном этапе этнической истории славян в Подонье / А. П. Медведев // Исторические записки. – Воронеж, 2002. – Вып. 8. – С. 195–207.
29. Терпиловский Р. В. Киевская и черняховская культуры. Проблемы контактов / Р. В. Терпиловский // Stratum : время великих миграций. – 2000. – № 4. – С. 303–311.
30. Седов В. В. Анты / В. В. Седов // Проблемы советской археологии. – М., 1978. – С. 164–173.
31. Приходнюк О. М. Анты и пеньковская культура / О. М. Приходнюк // Древние славяне и Киевская Русь. – Киев, 1989. – С. 58–59.
32. Винокур І. С. Анті і склавіни у світлі нових археологічних досліджень / І. С. Винокур // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. – Киев ; Львів, 1999. – С. 61–67.
33. Васильев М. А. Этногенетические и ранние этноисторические процессы в славянском мире в позднеримское и раннесредневековое время : анты и славяне / М. А. Васильев // Славяно-германские исследования. – М., 2000. – С. 412–435.
34. Свод древнейших письменных известий о славянах (I–IV вв.) : в 2 т. / под ред. Л. А. Гиндина, Г. Г. Литаврина. – М., 1994. – Т. 1. – 500 с.
35. Менгин В. Эпоха Меровингов – Европа без границ. Вводный обзор к теме выставки / В. Менгин // Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII в. – Мюнхен, 2007. – С. 26–54.

Воронежский государственный университет
Зиньковская И. В., доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: zinkovi@yandex.ru

Крайнев В. В., аспирант кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: ieremeia@yandex.ru

Voronezh State University
Zinkovskaya I. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology and History of the Ancient World
E-mail: zinkovi@yandex.ru

Kraïnev V. V., Post-graduate Student of the Department of Archeology and History of the Ancient World
E-mail: ieremeia@yandex.ru